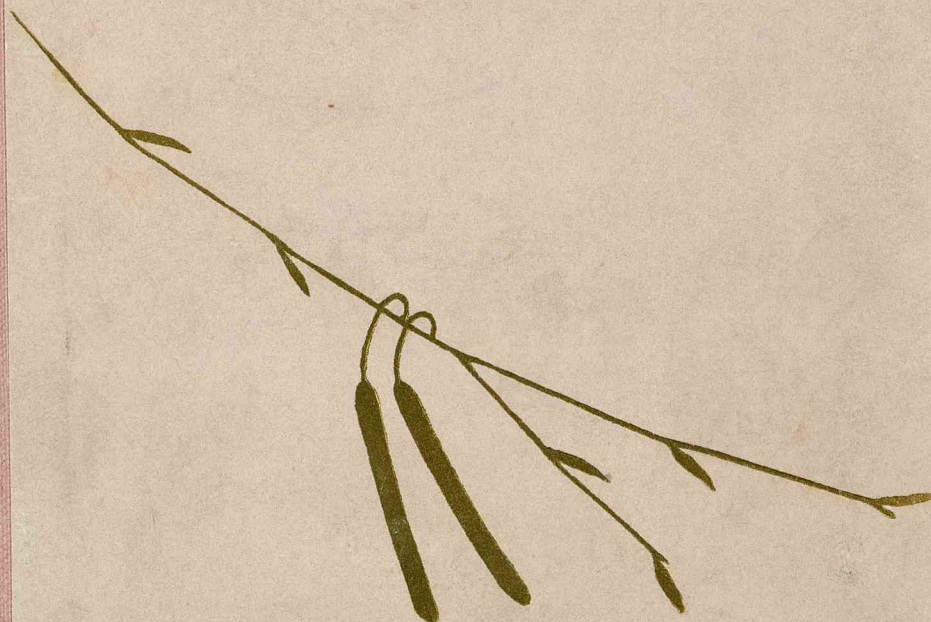

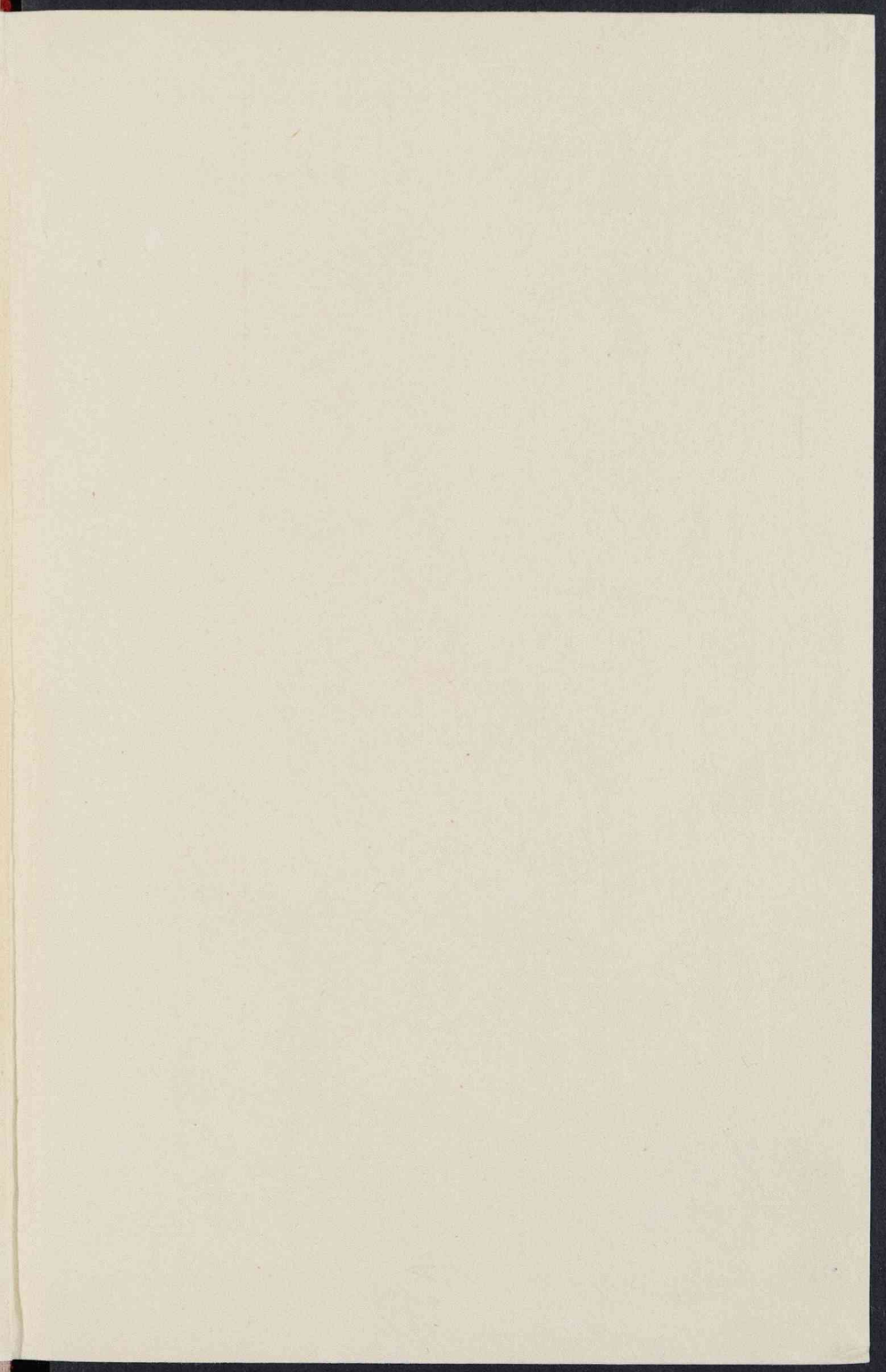
Мия Лавров

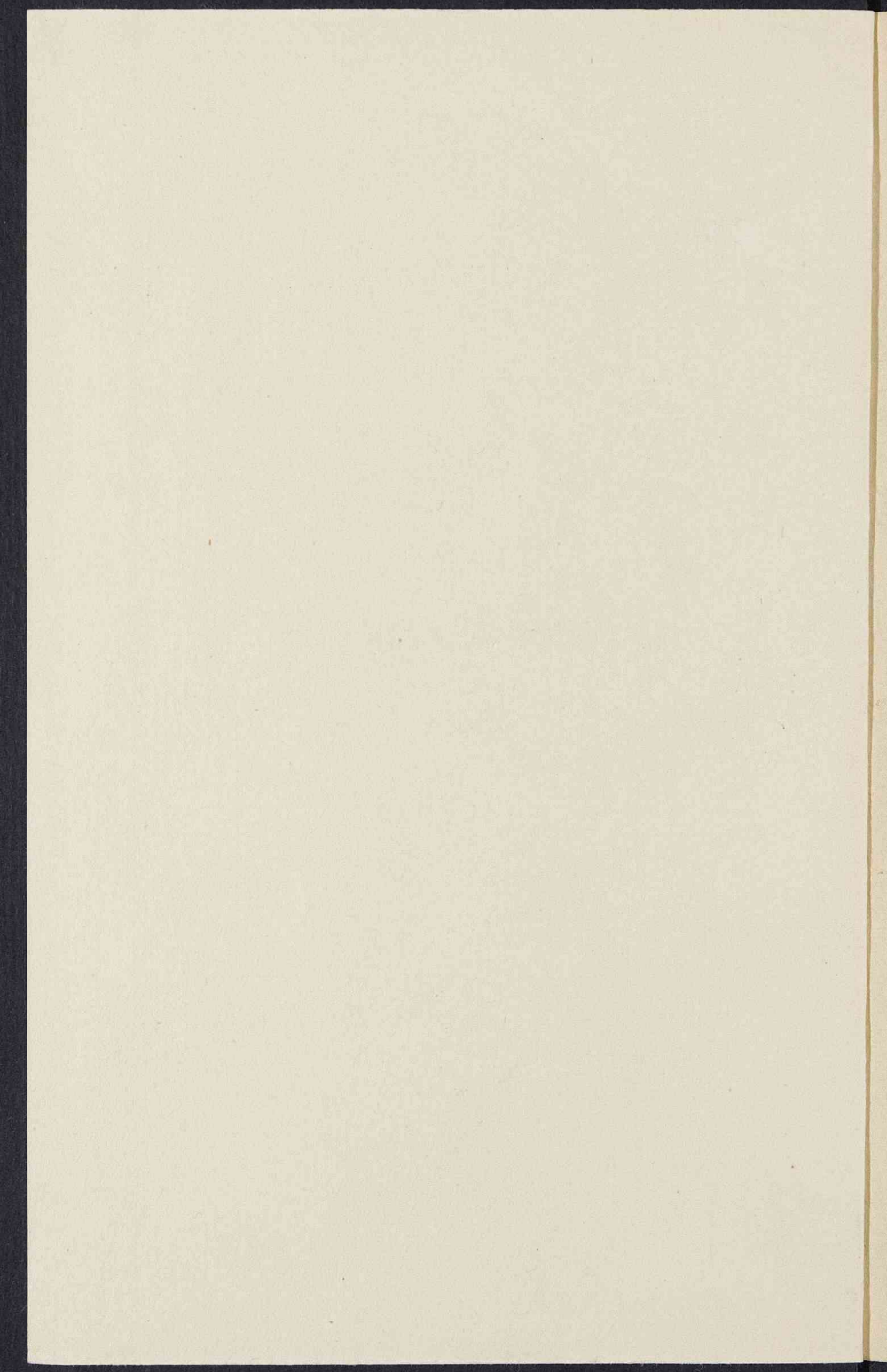
НЕСМОЛКАЮЩАЯ
ПЕСНЯ

фрк. 2105

2017

Илья Лавров

НЕСМОЛКАЮЩАЯ ПЕСНЯ

РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЦК ВЛКСМ

"Молодая гвардия"

МОСКВА

1956

ХНДССО ДССО
ТННН

Лит. музей
Забайкалья

156

✓
P₂
A-13

2007 2021

2012
17424

ФРК 2105

20 26

Фонд редких
книг

УСВН: А-НП-Р-М-56

И 269
Лавин
662.

ВЫИГРЫШ

Паровоз оглушительно загудел. Проводники стояли в открытых дверях. Они были в черных шинелях и держали свернутые желтые флажки. Пассажирский поезд Москва — Чита тронулся.

Проводник шестого вагона долговязый Коля Бричкин глянул на пятый вагон и увидел флажок в руке Гали Гетман. Самой Гали не было видно, но он представил себе румяную, круглолицую украинку в черном берете на пушистых русых волосах и в щеголевато начищенных сапожках. Шинель туго облегла ее крепкую, полную фигуру. Курносое, толстогубое лицо Бричкина ухмыльнулось...

Земля была сырая, в лужах плавали рыжие листья. Тучи клубились, как дым паровоза. Поезд мчался. Проносились ржавые рощи, с веток моросила листва. Бричкин с удовольствием вдыхал запах увядания. Ветер трепал пряди волос, они скручивались в кольца и со всех сторон ползли на околыш фуражки. Фуражка словно обросла ими, и ее нелегко вытащить из кудрей.

В тамбур вышел сменщик Бричкина, Василий Полянин, степенный, похожий на цыгана красивый мужчина лет тридцати восьми. С пассажирами он был строг и даже грубоват, но начальство ценило его за аккуратность и порядок в вагоне.

— Эх, как пахнет ветер! — проговорил Бричкин. — Люблю я все-таки осень...

— Опять за свое, — с легким презрением проговорил Польшин звучным, солидным басом: — весной твердишь, что больше всего любишь весну, зимой — зиму, а летом — лето.

Бричкин посмотрел на него счастливыми глазами и рассмеялся:

— А это, пожалуй, ты верно заметил. Дорога, дорога! — вздохнул он радостно. — Лечу как птица!

— Цыганщина, — нахмурился Польшин. — Осточертела мне твоя дорога. Все время уезжаешь из дому. Как бездомный бродяга, живешь на птичьих правах. И расходы в дороге — вдвойне.

— А я вот никуда не уезжаю, — сказал Бричкин, глядя на мелькнувшую зеленоватую речушку и редящие золотистые березняки. — Я все время дома. Ведь не за границу едем. По своей земле катим! И люди свои в вагоне.

— Ну, замолол... Сказки все, — оборвал Польшин. — Идем, ревизор сейчас билеты начнет проверять, — и насмешливо глянул на Бричкина.

Долго еще виднелось над Ярославлем небо в зареве электрических огней. Блеснула во тьме, поманила осенняя Волга.

В полночь остановились перед станцией: семафор был закрыт. Бричкин зажег свечу в фонаре и спрыгнул с подножки на захрустевшую гальку. Пассажиры спали, никто не вышел. Густой мрак покрывал пустые поля, дул сильный ветер, лес черной чащобой подступал к железной дороге, тревожно шипела листва, кропил дождичек. Впереди тяжело посапывал паровоз, точно запыхался от бега, прилег.

Фонарь качался около ноги, освещая только сапог. От соседнего вагона к Бричкину полз над самой землей огонек, блики играли на щеголеватых сапожках. Они звучно поскрипывали, словно ступали по снегу. Прикрыв глаза, Бричкин слушал это приближающееся: скрип, скрип, скрип...

— Что-то не принимают нас, — грудным, звучным голосом проговорила Галя, — хйба не понравились мы?

И эта смесь украинских и русских слов казалась милой Бричкину.

— Да, уже на полчаса опаздываем. — В темноте не было видно, что по лицу его расплылась улыбка.

— Глухо-то как... Осень вже поздняя, — тихо проговорила Галя. — И куда тильки нас судьбина не заносить!

— Интересно это, — возразил Бричкин.

Фонари, поставленные у ног, освещали мокрую гальку и сапоги.

— Как тебя по-украински зовут? Галю? — спросил смущенно Бричкин. — Га-а-лю, — протянул тихо, — так, по-моему, гораздо лучше, чем Га-ля.

— Галя или Галю — толк один, зови хоть горшком, тильки в печь не сувай, — усмехнулась Галя.

— А где ты родилась?

— На Одессщине. Есть така станция — Гайворон. Не слыхав о такой? Мамо умерла, а батько и сейчас там. Стрелочник. Сады у нас богатые, яблоки видрами продають. А я вот третий год проводником по разным дорогам блукаю. Сестра у мене з мужем в Москве, ну я и прижилась у них.

Из тамбура показалась освещенная со спины плотная фигура Польшина. Лицо оставалось в темноте. Он сердито спросил:

— Чего стоим? И так опаздываем, а тут еще киснем уже десять минут в какой-то дыре.

— Ну, вот еще сказал, какая же это дыра? Лес, поля, дождик — разве плохо? — возразил с ухмылкой Бричкин.

Он знал, что Польшин терпеть не мог таких разговоров. По его мнению, разные там лесочки, цветочки да речки — дело барышень. И Польшин раздраженно проворчал:

— Дождик, видите ли, ему уже нравится...

— А чего ты не спишь-то?

Но Польшин ничего не ответил и ушел. Бричкин услышал, как он хлопнул дверью.

— Всех пассажиров перебудит, — усмехнулся Бричкин, а Галя тихо засмеялась и, взяв фонарь, побежала к своему вагону. Состав дернулся, лязг-

нул. Бричкин тоже, тихо смеясь, прыгнул на подножку.

Поезд мчался в темноте. «У-у-у!» — угрожающе проревел паровоз. «О-о-о?» — удивленно ответил встречный, и мимо прогрохотали платформы, груженные бревнами, углем, известью.

Бричкин пошел по вагону. Все уже спали в уютном полумраке. Тускло горели в каждом отделении синие лампочки. Бричкин улыбался, должно быть занятый приятными мыслями.

Вот спит женщина в пестром халате. У нее злое желтое лицо и красный, припухший нос. Она ни с кем не говорила в вагоне, постоянно бегала к Польшину и все жаловалась: один курит, второй шумит, а третий долго не гасит света.

— Вот холера, всю душу вымотала, — ворчал Польшин.

Бричкин не мог понять: как это можно так жить, чтобы тебя все не любили.

Зато молодожены из третьего отделения очень нравились Бричкину. Оба молодые, светловолосые, светлоглазые, они целый день стояли у окна. Все их радовало.

А над ними на средней полке похрапывал человек с оплывшим безбровым лицом, укрытый кожаным скрипучим пальто. Это бухгалтер. Он сел в Москве и сразу вытащил толстый кусок колбасы, сдернул с нее, как чулок, шкурку и принялся громко жевать. Выпив две кружки воды, крикнул: «Ну, а теперь на боковую», — залез на полку и проспал весь день и продолжал спать и ночь, а мимо проносились реки, леса, города.

«Э-эх!» — махнул на него сердито Бричкин.

Сосед бухгалтера целый день метался от окна к окну, выходил в тамбур, забирался на полку, через несколько минут опять соскакивал, брел в ресторан. И ночью ему не спалось. Его почти желтые волосы были всклокочены, глаза полны возбуждения. «Что это с ним?» — с любопытством думал Бричкин.

Пройдя по вагону, Бричкин направился в тамбур и зажег фонарь.

Поезд приняли на третий путь среди товарных составов. Роились низко над землей оранжевые, красные, зеленые огни. На соседнем пути паровоз с шипением выпускал белые клубы пара, толкал товарные вагоны, и они передавали друг другу, как эстафету, звон буферов.

Осмотрщики цокали молотками по колесам. Стояли у вагонов проводники с фонарями. Вот загудел один паровоз, ему ответил другой. В темноте ныряли под вагоны какие-то фигуры. По радио неслась музыка. Бричкин соскочил с подножки и опять услышал — звучно, как по снегу: скрип, скрип. К нему шла Галя.

Выбежал на перрон беспокойный желтоволосый пассажир, сошли молодожены и стали прогуливаться, спотыкаясь о шпалы и рельсы.

— Чтой-то приморилась, спать хочется и исты, — зевнула Галя. — Мы с моей напарницей проворонили, хлеб не купили, а зараз хоть зубы на полку.

— Пустяки, я достану хлеба, — обрадовался Бричкин и прыгнул на подножку.

— Да пидожди, Коля, потом, — засмеялась Галя, — вот скаженный!

— Я сейчас, минуточку, — Бричкин в дверях столкнулся с Польшинным.

Польшинин спрыгнул, — тяжелые, с подковами, сапоги глухо стукнули о пропитанную мазутом землю. Бричкин быстро отрезал полбуханки хлеба, вытащил из фанерного чемоданчика банку с медом и посмотрел в окно.

А в это время Польшинин подошел к Гале.

— Ну, как дежурится?

— Так соби, помалесеньку, — ответила с усмешкой Галя.

— А я думал, вам очень даже весело, — пробурчал Польшинин, — всю ночь около вас крутится такой ухажер, насчет этой, как ее... природы, наверно, все распекает. Такой потом щедро будет кормить жену... баснями.

— Ой, лихо мне, да чого ж это вы, Василь Степаныч, так взъелись на своего напарника? — с хитрецей

спросила Галя. — А он, по-моему, такой симпатичный хлопец.

— Галина Кондратьевна, зачем шутите? — горячо заговорил Польшин, придвигаясь к ней. — Я уже вам говорил: по душе вы мне. Да мы бы с вами такие дела завернули! Осточертела мне эта работа и такая жизнь. В Москве болтаюсь в общежитии, вы приткнулись где-то у родных, ну что это за жизнь, скажите на милость? Давайте уедем куда-нибудь в небольшой городок и заведем хозяйство.

— Ну что вы, Василь Степаныч, я ведь еще молода и дурна, — смеялась Галя, — яка з мене хозяйка? Горе одно. Мени ще с дівчатами та хлопцями дурака повалять хочеться, на танцюльки та в кино побигать. Вам бы, Василь Степаныч, до Машки посвататися, вот уж вона хозяйка, я вам скажу, ну, прямо хоть куда. И за коровой ходить, и капусту солить, ну, одним словом, мастерица на все руки. Вона, я вам скажу по секрету, очей з вас не сводить.

Маша, или Марья Семеновна, худая, длинная, лет за сорок, была проводником во втором вагоне.

— Смеетесь все, — нахмурился Польшин.

— Так я ж говорю, что еще дурна, не перебесилась.

Польшин глянул в озорное лицо Гали, что-то хотел сказать, но близко прошли, шепчась, молодожены, а тут уже и Бричкин выпрыгнул из вагона и протянул Гале хлеб и банку с медом.

— Вот и я! Бери... Мед хороший, душистый, — голос у Бричкина веселый, а глаза встревоженные.

— Ну вот, а о тебе, Коля, молва черна ходить, шо ты можеш тильки баснями кормить. Вот языки!

Польшин одним махом взлетел на подножку.

— Не спится ему, чорту, — проворчал Бричкин.

Утром Бричкин подмел в вагоне, выбросил из ведра на ходу поезда мусор, сдал дежурство, умылся и лег отдохнуть. Он смотрел в окно — проезжали Кировскую область. Тянулись унылые, мокрые леса, около железной дороги все низины залиты водой. На полянах в лесу, на опушках мелькали почерневшие от дож-

дей стога сена. Некоторые были огорожены березовыми жердями. Клубы пара и дыма от паровоза заволакивали лес.

Бричкину стало грустно. Конечно, Галя только шутила и с ним и с Польшинным. Ей не до них. Она готовилась в железнодорожный техникум и занималась даже в вагоне. Уныло свисали у Бричкина кольца волос. И было такое чувство: звучит удар колокола, поезд трогается, увозит его, а на перроне остается самое дорогое. Бричкин безнадежно поерошил спутанные волосы и, фальшивя, затянул под нос:

Ты Светлана-светлячок...

Остановились на станции Шарья. Сошли два пассажира и подбежало четверо новых, надрываясь от тяжести чемоданов. Польшин проверил билеты. Пассажиры, потные, растрепанные, с грохотом забрасывали чемоданы в тамбур, торопились, хотя до отхода поезда оставалось еще пятнадцать минут.

«Пассажиры всегда словно с цепи срываются», — с презрением подумал Польшин и пошел к базарчику рядом с вокзалом. Над головой пронеслась туча воронья. Старушка, укутанная в теплый платок, стояла с рыжей плетью лука; девочка, посинев от холода, тащила корзину и кричала: «Брусники, брусники, ну, кому брусники!» У длинных столов шум, толчея, дымился в кастрюлях вареный картофель, в тарелках лежали соленые грузди, огурцы, жареные куры.

Польшин увидел газетный ларек, вздохнул: «Эх, взять, что ли, от скуки газетку почитать? Чего там в мире-то происходит?» Он купил газету и увидел таблицу выигрышей по займу. «Ага, а ну-ка, проверим, чем чорт не шутит, может и выиграю».

Польшин дождался отправления поезда, а затем прошел в служебное купе и развернул газету. Облигаций с ним не было. Вместе с Бричкиным, накануне отъезда из Москвы, он попросил секретаря начальника вокзала Раю отпечатать на машинке номера облигаций.

Польшин поискал выписку в карманах, в бумажнике, но не нашел.

— Что за фокусы, — проговорил он и раскрыл папку с квитанциями, служебными записями, актами и сразу же увидел розовый листок с номерами облигаций. «Как он сюда попал?» — удивился Польшин и закрыл дверь на ключ. Не спеша и основательно стал исследовать таблицу. И вдруг вздрогнул, торопливо принялся смотреть то в газету, то на список номеров, то опять в газету. Польшин побледнел, руки задрожали.

— Да нет, не может быть! — пробормотал он, схватил карандаш, подчеркнул номер в таблице и сравнил с номером в выписке. Польшин откинулся назад и, прилягая к стенке, сидел некоторое время обалдело. За дверью раздались голоса — злой красноносый пассажир и пассажира в кожаном пальто. Они ссорились. Польшин вскочил, проверил дверь. Потрясенный, смотрел на газету — он выиграл пятьдесят тысяч. Польшин снова бросился к таблице — может, ошибся? Нет, все точно. За дверью опять раздались голоса; он стремительно свернул газету, выписку номеров, положил их в бумажник и спрятал его в карман около сердца.

В этот необыкновенный день Польшин с усердием начищал вагон, как чистильщик начищает ботинки, бубнил песню и ухмылялся.

Хорошо было помечтать под стук колес о том, как он уволится и уедет на Волгу. Да, да, есть такой городок Вольск; он купит домик и моторную лодку, обязательно моторную лодку. На ней можно хорошо подзаработать: во-первых, на перевозе горожан через Волгу на пляж, во-вторых, можно большой доход иметь, вылавливая плывущие бревна, доски, поленья, а в-третьих — рыбалка. Разве это не доходная статья? Эх, чорт, можно припеваючи зажить! Сыт, пьян и нос в табаке, а что еще человеку-то нужно?

Цыганское, темное лицо Польшина улыбалось. А перед глазами все лежали аккуратные, твердые пачки денег. В каждой тысяча, и таких тугих кирпичиков, перепоясанных в талии бумажными ленточками, полста. Они лежат столбиками, при виде их перехватывает дыхание.

«Чорт возьми, как еще долго до Москвы! — в нетер-

пении думал Польшин. — До Читы пять суток да обратно семь. Это же можно с ума сойти!» А день тянулся так медленно! Наконец стало смеркаться. Далеко в поле пылал костер, озаряя людей и груды выкопанной картошки. Польшин сдал дежурство Бричкину, ушел в спальное отделение, завешенное одеялом, разделся и лег. Но среди ночи его стал мучить страх: «А вдруг это опечатка? А вдруг там, в общежитии, облигации украли? А вдруг случится крушение и я погибну? Всего можно ожидать от этой жизни. А я-то, дурак, размечтался, не взял, а уж ощипал, — еще сглазишь».

В окне виднелся новорожденный месяц, а рядом переливалась звездочка. Они были так яркие и чисты, что казались новенькими, звонкими. Поезд остановился, и снаружи послышались голоса. Впервые за весь день Польшин подумал: «Наверно, опять Бричкин около Галины увивается... А, пропадите вы все пропадом, не до вас теперь». И он в нетерпении соскочил с полки, вытащил из бумажника газету, выписанные номера и принялся вновь проверять. И казалась ему эта газета самой прекрасной из всех газет. Даже запах типографской краски восхищал.

В вагоне уже все спали, а Польшин лежал на полке, подложив руки под затылок, и все строил планы...

Бричкин днем не мог уснуть. Лежа на животе, все смотрел в окно. Мелькнули улицы Кунгура. Пронеслись горы в лесах, реки осенние, синевато-зеленые, мостики через них, сколоченные из белых березок. Кружились хороводами островерхие ели, похожие на часовни, пылали при дороге забытыми кострами красные осины, гнулись под ветром рябины, раскачивая алые корзиночки ягод. Замирало сердце — думалось о Галине. А потом черное небо забрызгали крупные, дрожащие звезды.

Подошла Галя.

— Фу, зябко, чтой-то... Мерзну, як паршивый поросся... А ты знаешь, Микола, я ведь по облигации сто карбованцев выиграла! Чуешь?

— Но-о, а я еще не проверял...

— Так чего ж ты зеваешь? На, у меня газета е, провирь, — вытащила из кармана шинели газету с двумя завернутыми пирожками, оторвала замаслившуюся таблицу. Но Бричкину было не до облигаций. Ночь, звезды, ветер, зеленые, красные огни семафоров, гудки, звон буферов, тихая станция в лесах Урала. Хорошо! И Бричкин вздохнул.

Летят перелетные птицы...

Запел тихонько, и Галя поддержала:

Ушедшее лето искать...

Галя подняла фонарь, осветила лицо Бричкина, он смущенно и ласково улыбался.

— Чого ты, як на именинах? — лукаво посмеивалась она. — Ну, шо ты за казак, тебе бы в кудри ленты заплести...

Поезд шел хорошо, сокращал стоянки на мелких станциях, нагонял опоздания.

Бричкин, задумчиво улыбаясь, подмел в тамбуре и только тут вспомнил о таблице. Поискал в кармане список номеров и не нашел. Отвернув повешенное одеяло, потихоньку вошел в спальное отделение.

— Ты чего? — спросил тревожно Польшин.

— Где-то потерял свой листок с номерами облигаций. Ты не находил?

— Нет, — притворно зевнул Польшин, — я свои проверил, пустой номер потянул.

Бричкин порылся в чемодане, в карманах пиджака, висевшего на стене, и махнул рукой:

— Ладно, в Москве проверю, не велика беда. — И вышел.

Только закрыл глаза Польшин, внезапная мысль обожгла: «А что, если мы листки спутали... Тогда, выходит, выиграл не я, а этот Бричкин?» Польшин вскочил, руки дрожали, дышать было трудно. Схватил папку, быстро перелистал служебные бумаги и в самом конце увидел розовый лист, знакомый шрифт машинки. Польшин вытащил лист из бумажника и сравнил со вторым — точно такой же, не отличишь.

— Вот это попал в переплет, — пробормотал он и почувствовал, как руки стали холодными, а тело покрылось испариной. Он устало сел на полку. Чьи же облигации проверил? Кто выиграл? Лихорадочно просматривал обе выписки, пытаясь вспомнить хоть один свой номер, но все вылетело из головы. Всегда предусмотрительный, осторожный, и вдруг с облигациями поступил как мальчишка. «Так, значит, вполне возможно, что выиграл не я, а этот пустомеля?» Полынин пытался отыскать в листке какие-нибудь приметы и в бешенстве сжимал кулаки — память отказала.

Во рту пересохло так, что язык шуршал о нёбо. Полынин набросил на плечи шинель и вышел в узенький коридорчик, где от толчков плескалась в баке вода. Дверь из служебного купе была открыта, Бричкин сидел и считал билеты. Увидев бледное лицо Полынина, он ахнул:

— Да что с тобой? Уж не заболел ли ты?

Полынин жадно выпил две кружки воды и как можно спокойнее сказал:

— И не говори, башка трещит. Послушай, может ты узнаешь, какой твой листок, а какой мой?

— Что за листки?

— Да с номерами облигаций.

— А ты разве нашел оба листка?

— Ну да, вот они, — и он подал Бричкину.

В глазах его, черных и лихорадочных, мелькнул страх. Бричкин повертел листки и принялся просматривать. Полынин следил за ним, затаив дыхание.

— А дьявол их знает, какой мой, какой твой, — наконец проговорил Бричкин. — И главное, суммы-то у нас одинаковые. Да ты их проверял?

Полынин замялся.

— Ну, чего ты мямлишь? Давай проверим — и дело с концом!

Бричкин вытащил промасленный обрывок газеты и принялся проверять. Полынин тяжело дышал над ним. Бричкин проверил один список.

— Мимо, — сказал он и принялся за другой.

— Да... нет... едва ли, — в смятении забормотал Полынин.

Паровоз дернул, он повалился на Бричкина и услышал восклицание:

— Ого! Или мне снится?

Бричкин повернул голову.

— Послушай, да здесь выигрыш — и какой!

— Тс-с-с, — зашипел Польшин, раскрыл дверь, выглянул, а потом захлопнул, — никому ни слова, понял?

Бричкин внимательно посмотрел на него. Почесав лохматый затылок и сдвинув черную фуражку на глаза, спросил взволнованно:

— Так кто же из нас все-таки выиграл-то?

— Вот в том-то и штука, ломай теперь голову, кому привалило счастье! — шептал Польшин, забирая розовые листки.

— Счастье, — Бричкин сдвинул фуражку на затылок. — Я, конечно, ничего не говорю, здорово получить такую сумму, но ты чего-то уж слишком того... и руки вон трясутся... Подожди, может быть, это твоя obligation.

Поезд остановился, и Бричкин ушел, возбужденный. Кто же все-таки выиграл? Думать, что выиграл Польшин, было неприятно, уж лучше бы выиграла Галля, ей учиться надо. Хотелось всем рассказать о своей удаче, но потом он вспомнил, что еще неизвестно, кому удача, и радость поубавилась.

Польшин забрался в спальное отделение и только тут спохватился: «Дурак, дернул же чорт за язык! Теперь, кроме базара, никто не узнает. Раззвонит — и ужокошат еще. А то и сам он может, чего доброго, приложить руку. Пустой человечешко». Польшин выскочил из вагона и увидел, что Бричкин торопливо идет к Галле. Но Польшину было все равно, он и забыл о том, что еще вчера говорил этой девушке.

— Николай! — позвал он.

Бричкин вернулся.

— Николай, держи язык за зубами насчет этого. Понял меня?

— Да почему?

— Смотри, шлепнут еще... Или что-нибудь устроят

такое с облигациями, что мы только оближемся и останемся при своих интересах.

— Да брось ты болтать, — нахмурился Бричкин, — спи лучше, в Москве разберемся, — и направился к Гале.

Неуклюжий, длинный, стоял он около нее и смеялся.

— Що це с тобой приключилося? — улыбалась Галя.

— Так... ничего... То-есть, как тебе сказать... есть, конечно, кое-чего... а может быть, и нет.

— Вот и пойми тебе... Чи горилки хватил, чи дивчина сладко целовала!

— Как хочешь, так и понимай, товарищ проводник вагона номер пять, — и Бричкин лихо сплясал коленце из цыганской пляски, звонко хлопнув по голенищу.

— Эге, вино вси песни знает, — засмеялась Галя.

— Послушай, — заговорил быстро Бричкин, — в жизни ведь всякое бывает. Что бы ты стала делать, если бы, скажем, нашла... ну, я не знаю... ну, пятьдесят тысяч, что ли?

— Я-то знаю, а вот ты бы что зробив?

— Я бы, во-первых, сразу же тысяч этак двадцать старикам отвалил. Живут они одни. А я им мало высылаю. Ну, сама знаешь, какие деньги у проводника. Во-вторых, оделся бы с иголочки. В-третьих, долги бы отдал — семьсот рублей. Костюм я купил.

— Ну, а ще яки мечтанья?

— А на остальные гроши нанял бы я, Галю, педагогов, и чтобы они нас с тобой, раз-два — и в техникум подготовили. Это, пожалуй, самое главное.

— И меня, бидну, не забыв, — усмехнулась Галя.

— Почему ты знаешь, может, я и хочу главным образом для тебя найти деньги! А что же все-таки ты-то сделаешь, найдя их?

— Я бы в милицию сдала, чтобы другой чоловік не пострадал! Понял?

— Так-то оно так, — ухмылялся Бричкин, — да ведь я такие гроши хочу найти, какие никто не терял.

— Ох, выдумщик, горе мени с тобой. Ты богатство не на дорози ищи, а в голове своей, в учебнике. Так-то вернее буде.

— И это правда, — Бричкин весело побежал к своему вагону по рельсу, как мальчишка, вихляясь из стороны в сторону и балансируя разведенными руками...

Проносились увядшие равнины Западной Сибири. Речонка бурлила в корягах, золотые березки остановились у воды. Поднимая пыль, вдали катились маленькие, как спичечные коробки, колхозные грузовики. Всюду были разбросаны сухие, пестрые рощи. На деревьях висели огромные белые буквы: «Да здравствует Родина!» Вдоль дороги проносились красиво выложенные по откосам белыми кирпичами слова: «Миру — мир».

Близился Новосибирск. Всего лишь полпути. Польшин за трое суток высох, глаза лихорадочно и подозрительно следили за Бричкиным. А Бричкин смотрел на него с насмешкой. Польшин злился. Бричкин видел это и с удовольствием принимался подтрунивать:

— Слушай, Василий, а вдруг выиграю я?

Польшин прятал глаза:

— Ну, чего ты зудишь? И зудит и зудит.

— А ведь, наверно, я, вот какое-то предчувствие у меня есть, честное слово.

Польшин угрюмо бормотал:

— Ну, что же, значит, твое счастье. А для чего они тебе, собственно, деньги-то? Ведь все равно по ветру пустишь.

— И пушу! Я хозяин над деньгами, а не деньги надо мной. Все спущу в месяц же. А то возьму и подарю их яслям. Вот идея!

— Нет, видно, у тебя не все дома, — с трудом произносил Польшин, — ну, ладно, не трепись. Иди, иди!

— И что ты за человек, Василий? Какая муха тебя укусила? — с удивлением разглядывал его Бричкин. — Был нормальный, все как полагается, начальство тебя хвалило, а вот как случилось это с облигациями... Нет, не нравишься ты мне, — с сочувствием вздыхал Бричкин.

— Чего ты привязался, как слепой к забору? Я не барышня, чтобы нравиться, — свирепо выкатил глаза Польшин.

— Вот верни тебя, положим, в дореволюционное время, интересно, кем бы ты стал? — задумчиво спрашивал Бричкин.

— Уж будь покоен, кем-нибудь да стал бы, голова пока варит, не то что у тебя, — тяжело поднялся Польшин.

— Нет, скучища с тобой зеленая, — махнул рукой Бричкин.

После Новосибирска потянулась тайга. Запахло сосновой смолой. Ели стояли пышные, в шубах из хвои. У молодых елок виднелись веточки, похожие на крестики. «Так-так-так, так-так-так», — отстукивали колеса. Рассветы были туманные, ледяные. Клумбы лежали обмороженные, черные, как следы больших костров. Жиденькая алая заря освещала голубой иней на ломкой, остекленевшей траве.

Бричкин притикал к окнам, высовывался в двери, выскакивал на каждой остановке. Поезд остановился около семафора. Бричкин спрыгнул — и по крутому берегу вниз, гремя ведром. Галя за ним.

Прозрачная Ангара бурлила, делая плавный поворот, слегка дымилась около острова. Бричкин сложил ладони ковшиком, с удовольствием напил ледяной, вкусной воды и зачерпнул полное ведро. Вода была такой прозрачной, что ведро казалось пустым. Галя подбежала, с хохотом обрызгала Бричкина, фыркая, шумно умылась. Лицо ее покраснело.

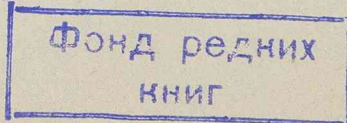
— Умойся и ты! Сажу з носа соскобли! — закричала она и, нагнув голову Бричкину, принялась плескать ему в лицо.

— Теперь внукам будешь гутарить: я умывался в Ангаре, — бурно дышала Галя.

— Эх, то ли мы еще увидим в жизни! — завопил Бричкин и брызнул на нее.

Паровоз загудел, Галя бросилась наверх к вагонам, Бричкин за ней, но, вспомнив о ведре, вернулся. Поезд уже тронулся, когда он подбежал к подножкам.

фрК 2105

— Швыдче, швыдче, — кричала испуганная Галя, — от дурний!

А потом сидели в купе у Гали и восхищенно смотрели, как бурно и весело Ангара вырывалась из Байкала. Он плескался и сверкал в огромной чаше, края у которой — большие сопки, заросшие лиственницами.

— Эх, и места же, — прикинул к окну Бричкин, — проезжаешь Волгу и думаешь: «Вот здесь бы пожить», подкатишь к Уралу: «Не-ет, — думаешь, — лучше здесь раскинуть бивак», а теперь вот думаю, что лучше Байкала, пожалуй, и не отыщешь места. Так, наверное, и не решу, где бросить якорь. Всюду хочется пожить.

Галя молча смотрела на чешуйчатые стволы, и ей тоже захотелось пожить и здесь, и на Ангаре, и на родной Украине.

— Дай я тебе пришью пуговку на рубашке, — тихо проговорила она.

Бричкин отыскал в кармане пуговицу. Галя вынула иголку с ниткой, воткнув ее в подкладку берета, и тщательно принялась пришивать ему на груди пуговицу, а он боялся шевельнуться. Когда же она, откусывая нитку, прижалась к его груди лицом, он перестал дышать и, если бы еще миг, то, наверно, задохнулся бы. Против своей воли, он тронул ее волосы и увидел, как вспыхнуло ухо, иголка с перекушенной ниткой упала на колени, а Галя все не отнимала лица...

Поезд грохотал в тоннелях, пыхтел среди сопки и лесов, забрался на Яблоновый хребет. Бурный студеный ветер качал сосны, желтые лиственницы. Воздух был чист и свеж, как первый снег. Сверкало солнце. Сзади поезд подталкивался вторым паровозом, а когда стали спускаться вниз, к Чите, тормоза зашумели так, словно большущее точило оттачивало огромные ножи.

Перед Читой вагон наполовину опустел.

Бричкин и Польшин убрали постели, поднимали полки, сметали сор, и Бричкину стало грустно — кончался кусочек его жизни. Он расставался с семьей

пассажиров, а ведь с ними проделал такую длинную дорогу.

Полынин с нетерпением поглядывал в окно: да скоро ли эта Чита! Он забежал в купе, воровато оглянулся, быстро налил стакан водки, опрокинул в рот. Хотелось заглушить тревогу, нетерпение, злость на эти бесконечные странствия, на этого дурака Бричкина, который даже не может понять, что значат эти пятьдесят тысяч. Ходит, скалит зубы, липнет к девке, словно уже деньги положил в карман. Ну, вот она и Чита, наконец-то! Теперь еще столько же терпеть обратно!

Пассажиры и носильщики в белых фартуках несли чемоданы, узлы.

— До свидания, товарищ Бричкин, счастливо доехать, — крикнули молодожены, а про Полынина и забыли...

Поезд отходил обратно в Москву через двенадцать часов. Вся поездная бригада сходилась в баню, а потом разошлись кто куда.

Бричкин и Галя бродили по городу, зашли в кино. Возвращаясь в вагон усталый, но веселый, Бричкин усмехнулся про себя: «А все-таки любопытно, кто же выиграл — я или он?»

Обратный путь показался длинным, и Бричкин мысленно подгонял поезд...

Перед Москвой Полынин не находил места. Бричкин плюнул и принялся один приводить вагон в порядок.

Наконец поезд остановился. Лил дождь. Все цветы на клумбах почернели, полегли, и только горделиво стояли под дождем лиловые, белые георгины и астры.

Полынин скрылся быстро и незаметно.

— Словно жулик, — выругался Бричкин, — а ну его, всем уже намозолил глаза, — и пошел домой, к старушке, у которой жил на квартире.

Войдя за ширму, он, не снимая мокрой шинели, сел на корточки и выдернул из-под кровати чемодан. Под рубашками и носовыми платками торопливо отыскал пачку облигаций, вытащил бережно из бумажника за-

саленный клочок газеты и проговорил охрипшим голосом:

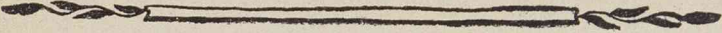
— Любопытно!

Так, сидя на корточках, Бричкин и проверил облигации, а потом толкнул чемодан под кровать:

— Эх, мимо! Напрасно ты бесился, Польшин, твое это счастье, а мое, выходит, другое.

И долго еще сердито шагал из угла в угол и что-то бурчал. Только вечером, сходя в баню, он немного успокоился и махнул рукой, подумав: «Ничего, всякое бывает...»

Бричкин переоделся, вышел на сверкающую огнями улицу и, задумчиво улыбаясь, направился к Гале.

КРЫЛЫШКО

Катюша, которую папа прозвал Крылышком, сквозь сон слышит незнакомый, хриплый голос:

— Что тебе нужно? Чего ты мучаешь меня?

Как же попала в темную комнату чужая тетя? Когда Крылышко ложилась спать, за столом сидели только мама и папа. А теперь нехороший голос приглушенно выкрикивает:

— Уйду! Уйду!

Крылышко поднимается, но волосы зацепились за пуговицу наволочки. Крылышко отрывает волоски и садится. Свет не горит. В окна смотрят луна и смутные белые деревья. Луна освещает половину маминой кровати, другая половина — в темноте; около стоит папа весь в белом. Голова его лохматая, точно в меховой шапке. Мама сидит на кровати, поджав ноги. Длинные волосы засыпали ее лицо, плечи.

— Последний раз говорю! Подумай о семье! — просит папа.

Мама рыдает и мечется. Когда попадает в свет луны, она кажется пухлой, светлой, большой. Когда попадает в темноту, она тонкая, черная, маленькая.

— Отстань! Отстань! — мама хватается с подоконника тарелку. Тарелка пролетает над головой папы и разбивается в кухне о ружье на стене.

Мама вскрикивает то пронзительным, тонким голосом, то хриплым, густым.

Крылышку кажется, что на кровати мечутся две женщины.

— Истеричка! Эгоистка! — гремит голос папы.

— Ты хочешь, чтобы я только на тебя и дышала! Ты меня даже к стулу ревнуешь! — мама бросает подушку.

— Папа! — кричит Крылышко. — Зажги свет! Мне страшно!

Папа проходит мимо, шлепая босыми ногами и тяжело дыша.

Мама уткнулась в постель.

Крылышко закрывает голову одеялом и дрожит. Ей кажется, что сейчас кто-то страшный схватит ее, утащит...

Утром мама, глядя в зеркало, старается запудрить красные от слез веки. Крылышко смотрит пытливо на ее сердитое лицо и ходит вокруг. Хочет что-то сказать, но не решается.

Крылышком папа зовет Катюшу за то, что она легкая, стремительная и не бежит, а летает, едва касаясь земли. А может быть, в это прозвище он вкладывает что-нибудь другое, известное только ему. Кто знает? По крайней мере, когда он говорит Катюше «Крылышко», она понимает многое, о чем другие не догадываются. Она не умеет объяснить это словами, она просто в ответ улыбается ему по-особенному.

— Мама, посмотри, какая смешная картинка! — весело говорит Крылышко, а сама смотрит серьезно.

— Не мешай, — мама даже не взглянула на книгу.

Крылышко опять молча перепархивает из угла в угол. Голубое платье вьется за ней. Крылышку очень обидно видеть у мамы заплаканные глаза, она старается не смотреть на них. Она опять весело выкрикивает:

— Смотри, смотри, какая бабочка влетела в окно!

Мама не отвечает. Пудра клубится облачком около ее лица, сыплется на белое платье.

Мама тоненькая, хорошенькая, как лучшая Крылышкина кукла. У мамы золотые волосы. Сейчас лучи

солнца проходят сквозь них, и каждая прядка полна света. Такие же волосы и у Крылышка. Чуть-чуть подуй на них, и они все невесомо взлетят, как паутинки. И глаза у обоих голубые, с золотыми искорками, одинаковые.

Крылышко смотрит украдкой на папу. Он стоит у окна и вертит ножницы. Он в парусиновых брюках, в синей майке-безрукавке. Его спина и голые руки коричневы от загара, в твердых мускулах.

Крылышку понятно, что ему совсем неинтересно вертеть ножницы. Он даже не замечает их.

Она снова говорит бодро:

— Мама, пойдемте сегодня в кино. Все трое.

— Отвяжись. Прицепилась, — сердится мама и уходит на работу. Она работает машинисткой.

Крылышко грустно смотрит вслед. В дверях солнце обдает тоненькую маму, и белое платье становится прозрачным. Даже ноги просвечивают сквозь него.

Папа бросает на подоконник ножницы. Они жалобно звенят.

Он садится к столу и думает о чем-то.

Папа добрый. Он красивее, сильнее всех. К нему можно залезть на колени и даже на плечи. Он большой, лохматый. На лбу у него морщинки, тоненькие, как ниточки. Крылышко любит сжимать их в гармошку.

Крылышко очень гордится папой. Он учит школьников физкультуре, он воевал, а еще — он такой пловец, что большущий бассейн переплывает сто раз подряд. Мальчишки стоят на берегу и считают хором. Когда же папа бросается с высоченной вышки, все ахают. Если папа пляшет, гости хохочут и не могут усидеть на месте. Когда же он поет, все затихают, а женщины плачут. И только мама смотрит по сторонам скучными глазами.

Вечерами папа берет Крылышко на руки, долго-долго ходит по белому саду. Она порывисто дергается, болтает ногами, визжит и так вдавливая лицо в его горячую грудь, что нос ее расплющивается.

Сейчас Крылышко стоит около папы и не может придумать что-нибудь веселое, чтобы он улыбнулся.

— Вот осень будет, пойдешь в школу, — говорит папа. — А потом окончишь ее, станешь большой... Никогда не делай плохого людям... Если холодно в лесу, кто-нибудь зажжет костер. Подойдет охотник, протянет руки и согреется... Каждый человек должен быть таким вот костром. Чтобы грелись около него...

Папа говорит грустно и ласково непонятные слова, а она устраивается на его коленях.

На подоконнике сидит рыжий лохматый кот. Папа прозвал его Ленивец. Ленивец совсем не двигается. Как будто он чучело. Внезапно это чучело сладко зевает и ложится. Сворачивается клубком. Теперь Ленивец похож на папину шапку.

Крылышко смеется.

Папа уходит на работу в школу. Возвращается он под вечер. Приносит Крылышку конфет.

От него неприятно пахнет вином. Раньше папа не любил вина, а как стал ссориться с мамой, так стал любить.

Крылышку делается тревожно, она не прикасается к конфетам. Они лежат кучкой на кровати, Ленивец обнюхивает их.

Папа смотрит на часы. Уже темнеет, а мамы все нет. Она приходит хмурая. У папы такие глаза, что Крылышку становится страшно.

Утром в доме снова нехорошо, неуютно, все разбросано. Мама стонет, завязав голову мокрым полотенцем. Папа ходит из угла в угол. Даже ноги его сердятся, громко топают.

Крылышку хочется улыбнуться кому-нибудь, но она передумывает и выскальзывает во двор.

Двора, как у других, нет. В доме живет четыре семьи. Четыре крыльца выходят сразу в очень большой сад.

Сад, как и вся Фергана сейчас, бело-розовый. На темных стволах белые сквозные шары — это расцвел

урюк. А среди цветущего урюка, точно среди сугробов, пылают розовые персики.

В углу — рощица белых вишен. Между стволами виднеется тележка, к оглобле привязан ишак Яшка. Он тянется к бочке с водой.

В стороне — заросли сирени. Кусты сплошь в тяжелых лиловых кистях. Рябая курица, привстав на цыпочки, клюет кисть.

Яблони белые-белые. Большие ветви на костылях-подпорках. Можно подумать, что каждая яблоня имеет пять-шесть стволов. Белые ветви легли на крыши сараев, на толстый глиняный забор — дувал.

Плоские глиняные крыши и дувалы в яркоалых маках; маки шевелятся язычками огня.

Сад гудит золотыми пчелами. Крылышко представляет, как в глубине его кто-то все время трогает басовитую струну и она тихонько гудит, словно на гитаре под рукой папы. А солнечных струн между стволами натянуто множество. Сквозь навесы ветвей они тянутся косо, пересекают друг друга, дрожат.

Солнце ослепительное. Воздух сверкает. Льется горячий ветерок. От стен дома пышет, как от натопленных печей.

Крылышко, едва касаясь теплой земли, уносится вглубь сада. Здесь бело и нарядно. Домой идти совсем не хочется.

Прибегает Наташка, смуглая, сильная, как мальчишка. Глаза ее — черные виноградины. Она в пестрой тюбетейке, в красных трусиках.

Девочки бегают друг за другом. Тяжелая Наташа громко топает. Крылышко носится неслышно и стремительно, а через арык просто перелетает.

Тетя Надя зовет Наташу завтракать, и подружка, отдуваясь, уходит.

Крылышко не знает, куда ей деться. Она садится под ярко цветущий персик на кучку прошлогодней хрустящей листвы. Почему-то захотелось плакать, и Крылышко заплакала. Она всхлипывает долго и безутешно, и никто не видит этого. Все на свете забыли про нее...

Это была демоверсия книги - Лавров И.М. Несмолкающая песня

С полной версией книги можно ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34